

Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ
г. Петрозаводск

мифы и явь КИВАЧА

Ночью небосклон был чист и прозрачен. Ярко светили промытые звезды. Под утро приволоклись тучи. В воздухе повисла тончайшая взвесь дождя, настолько мелкого, что ладонь почти не ощущала падения капель.

Так было и вчера, и позавчера.

Чтобы сделать задуманный кадр, мне нужен краткий солнечный миг. Живу на Киваче уже неделю и никак не могу дожидаться хорошей погоды. Дневное светило каждый день прячется в серой пелене, а может, и вообще обходит этот край стороной.

Вот и еще одна ночь прошла. Наступает промозглое утро. Оно лягушачьими лапками трогает лицо. Ни зари, ни ярких красок.

На площади, где летом тесно от туристических автобусов, сиротливо приткнулся к обочине «жигуленок» цвета мокрого асфальта. Из пяти ларьков, в которых продают сувениры, открыт только один. На дорожках ни души.

Натянув до бровей капюшон, иду к водопаду. Влажные камни усыпаны облетевшей листвой. Потемнели, как бы поржавели заросли кипрея. Лишь сосны стоят нарядные: на каждой хвоинке блестит капелька небесной влаги.

Кивач не ярится, не бьется о скалы, он по-домашнему возится в узком ложе и слегка пошумливает, мол, жив еще, а ты как? Сам видишь, говорю ему, давно пора возвращаться домой, а я все никак не могу с тобой расстаться.

Со стороны смотровой площадки открывается весь водопад.

Неутомимая река, словно девчонка, беззаботно прыгает с уступа на уступ, а с последнего ласточкой сигает вниз.

Тут тебе и брызги, тут тебе и пена.

«Алмазна сыплется гора с высот четырехя скалами...»

Какая-то неведомая сила зимой и летом, осенью и весной из года в год влечет меня на эти скалистые берега. Природа этой силы мне неизвестна.

В этом очерке я хочу рассказать о самом знаменитом на Севере водопаде.

О его тайнах и бытующих мифах.

Это – мое признание в любви.

КУДА ИСЧЕЗЛА АЛМАЗНАЯ ГОРА

В ноябре 1775 года Екатерина II подписала указ, согласно которому число губерний увеличилось более чем вдвое, вместо прежних двадцати трех их стало пятьдесят. Почти десять лет уточнялись границы и соподчиненность новых административных территорий. Так, Олонецкая провинция первоначально вошла в состав Новгородской губернии, затем ее переписали к Санкт-Петербургской, а в 1784 году утвердили в качестве отдельной губернии, которая вместе с Архангельской составила единое наместничество.

Первым олонецким губернатором стал известный русский поэт Г.Р. Державин.

К своей деятельности на высоком государственном посту Гаврила Романович относился ответственно. Один из исследователей его жизни (Е. М. Эпштейн) отмечал: «Державин искренне, хоть и наивно, считал, что ключ к совершенствованию ведения государственных дел в том, чтобы у кормила государственного правления стояли люди, у которых «ум здравый, сердце просвещенно», а в мыслях, словах и делах «должны быть польза, слава, честь».

В Петрозаводск для исполнения губернаторских обязанностей Державин прибыл осенью 1784 года. Уже на следующий год, чтобы не понаслышке знать о нуждах населения, он предпринял поездку по губернии.

Север издавна славился бездорожьем, здесь и летом не на телегах груз перевозили, а перетаскивали на волокушах. Чиновники, отправленные по казенной надобности, ездили в люльках: название говорит само за себя – это были носилки сродни паланкину, которые несли две запряженные цугом лошади. Потому не удивительно, что губернатор и его спутники решились в основном путешествовать водой. От петрозаводской пристани они отчалили на баркасах 19 июля, по народному календарю «на Ермия».

...Всякий Еремей про себя разумеи: когда сеять, когда жать, когда в скирды убирать.

Ночевали в деревне Суйсарь. На следующий день добрались до Янишполя. Здесь пересели на лодки поменьше и поплыли вверх по Суне.

«Река сия мелка и несудоходна, и в 19 верстах

от деревни имеются великие пороги», – записал в дневнике Гаврила Романович.

От деревни Вороново путешественники верхом на лошадях добрались до Кончезерского завода, затем посетили первый российский курорт, где осмотрели и сам источник марциальной воды, и два ветхих дворца, и церковь, воздвигнутую в 1721 году, после чего так же верхом вернулись в Вороново и поплыли на лодках в сторону Кивача.

«Сей расстоянием от деревни находится в 6 верстах, – записал в дневнике Г. Р. Державин. – Дикость положения берегов и беспростанные виды перемены ежечасно упражняют взор. Проехав три версты, река была покрыта пеною, и чем ближе подъезжали, тем пена сия была гуще и, насадая на берега, казалась оные как бы унизан-

*Первый олонецкий губернатор
Г. Р. Державин*

ми белыми камнями. В версте от порогов показался в правом боку дым, который по мере приближения сгущался. Наконец, пристав и взошел на гору, увидели мы пороги сии. Между страшными крутизнами черных гор, состоящих из темно-серого крупнозернистого гнейса, находится жерло глубиною до 8 сажень, в оное с гор, лежащих к востоку и полудню, падает с великим шумом вода, при падении разбивается в мелкие брызги наподобие рассыпанной во множестве муки. Пары, столбом восходящие, досягают до вершин двадцатипятисаженных сосен и оные омочают... Чернота гор и седина биющей с шумом и пенящейся воды наводят некий приятный ужас и представляют прекрасное зрелище».

От Кивача путешественники отправились в Сопоху, откуда на лодках отправились через озеро Сандал для осмотра Тивдийской мраморной ломки...

Свою знаменитую оду «Водопад» Державин написал на смерть «великолепного князя Тавриды» Г. А. Потемкина несколько лет спустя, в 1791 году.

В том же 1785 году, когда Гаврила Романович предпринял поездку по Олонецкому краю, у Кивача побывал и выдающийся ученый-натуралист Николай Яковлевич Озерецковский. На него Кивач тоже произвел неизгладимое впечатление, и Озерецковский описал его в своих записках «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому»,

которые в 1792 году увидели свет отдельной книгой. Во втором ее издании (1812 г.) был помещен и рисунок водопада, сделанный рукой академика.

Так в России узнали о Киваче. Но еще полстолетия до водопада, надежно укрытого таежными лесами, добирались лишь редкие путешественники.

Все изменилось в 1858 году, когда Кивач решил посетить царствующий монарх Александр II. Именно тогда от Петрозаводска до падуна была обустроена хорошая грунтовая дорога, на берегу Суны поставили деревянный царский дворец, напротив него, на скале, соорудили беседку, оба берега соединил наплавной мост. Александру II зрелище ревущей реки понравилось, и он пожалел, что на «олонецкое диво» не смог вместе с ним полюбоваться любезная сердцу супруга и уважаемая матушка.

Царская дорога открыла водопад для путешественников.

Из Петрозаводска всех желающих увидеть Кивач обычно доставляли на лошадях. Причем о подаче экипажа к пароходу, следовавшему из Петербурга, можно было телеграфировать заблаговременно, хотя бы и с середины пути. Тем не менее во второй половине девятнадцатого столетия поток туристов на Кивач и потоком-то назвать нельзя: сто пятьдесят – двести посетителей за год.

В книгах и периодических изданиях того времени можно найти описания знаменитого олонцкого падуна.

«В 1859 году, июне 30 дня, я приехал в Петрозаводск», – вспоминал писатель Николай Эюс. В один из погожих дней он вместе со своими товарищами решил поохотиться близ Кивача. Они наняли конные экипажи и по новой столбовой дороге, сделанной к царскому приезду, «понеслись как по паркету».

Водопад поразил Н. Эюса своим величием.

«Кроме главной ужасной массы воды, падающей четырьмя уступами с высоты шести сажен, – пишет он, – в расщелинах скал с левой стороны стремятся отдельные каскады, усиливающие грандиозность картины, описать которую я, конечно, не в силах. Я могу сказать здесь только, что шум, треск, гром, брызги, пена, блестящие радужных цветов, переливающиеся огнями в потоках воды, – все это вместе явило для меня столь ослепительное зрелище, что я долго стоял онемелый и без движения, боясь даже потерять сознание».

«Всех глаголов русского языка, изображающих стук и действие, не хватит для этого описания. Между молотами и наковальнями всех сил и величин дробится вода в грозном падуна», – утверж-

дал позднее поэт К. Случевский, сопровождавший великого князя Владимира Александровича в поездке по Северо-Западу России.

«Река Суна, стесненная каменными берегами, быстро течет на береговые скалы и, встретив их, с силой поворачивает в сторону, вправо; но тут она встречает скалистый обрыв, в который и падает с ужасающей быстротой. Нельзя представить себе этой громадной силы воды, силы, развившейся сначала в тесноте каменных берегов, затем в борьбе с торчащими скалами и наконец в падении по 4 уступам с высоты шести сажен. Весь водопад узок, ширина его не превышает 20 сажен, но тем сильнее напор воды и тем красивее фонтаны и каскады по правой стороне его, изобилующей скалами. Боковой спад Кивача удивительно красив, а в самом фарватере водопада видна лишь громадная несокрушимая сила. Здесь из века в век идет борьба между водой и камнем, великая борьба, в которой вода все-таки выходит победителем. Но присмотритесь и прислушайтесь, чего стоит эта борьба; камень дрожит под вашими ногами, дрожит изо дня в день, из века в век непрерывной, трепетной дрожью; вода, разбитая камнями вдребезги, в миллиарды брызг, носится в воздухе вечным, никогда не переставшим дождиком, в котором при солнце играет разноцветная радуга. Эти борцы подняли здесь страшный рев, заглушающий человеческую речь на расстоянии одного шага; рев разносится по окрестности и слышится далеко», – отметил этнограф М. Круковский.

Где сегодня эта ужасная и чарующая своей яростью стена падающей воды?

Где страшный рев и содрогание скал?

Нынешний путешественник, приехавший на Кивач, ничего этого не видит. Туристические издания с удовольствием цитируют строки Державина, но забывают сказать, что при строительстве второй очереди Кондопожской гидроэлектростанции была возведена Гирвасская плотина, благодаря которой большую часть сунской воды направили по другому руслу. Иными словами, Кивач поделился своей силой с турбинами каскада Сунских ГЭС.

А велика ли была мощь водопада?

КАК ПРИСМАТРИВАЛИСЬ К МУСКУЛАТУРЕ БОГАТЫРЯ

«За синей дымкой

Высится бамбук,

И водопад

Повис среди вершин», – писал великий созерцатель Ли Бо.

Поэты умеют лаконичными и точными штрихами создавать картины.

Помните строки из путевого дневника Державина? «Пары, столбом восходящие, достигают до вершин двадцатипятисаженных сосен и оные омочают...»

Поэтический взгляд на Кивач долгое время способствовал преувеличению его истинной силы. На заре электрической эры высказывалась даже мысль о постройке на водопаде мощной гидроэлектрической станции для передачи энергии в Петербург.

Затем наступила пора прозаических расчетов.

В начале восьмидесятых годов девятнадцатого столетия было составлено техническое описание трех крупных водопадов на реке Суна: Гирваса, Пор-Порога и Кивача.

В 1893–1894 годах группа студентов Петербургского университета под руководством профессора Жданова и геодезиста Тачалова произвели на берегах Суны нивелировку местности, и тем самым впервые были

получены достоверные сведения о падении каждого из трех больших водопадов.

В 1899–1900 годах по заданию Горного ведомства было проведено техническое обследование сунских водопадов (съемка местности с нивелировкой, водомерные наблюдения, измерение расхода воды на каждом из водопадов). Инициатором этой работы стал профессор Петербургского горного института И. А. Тиме, а конкретным исполнителем – горный инженер Тимофеев.

Результаты проведенного исследования – сухие цифры, просто цифры – неумолимо доказывали, что бытующее мнение о небывалой мощи сунских водопадов в действительности является не более чем поэтической гиперболой. Тем не менее в обществе

еще несколько лет продолжались споры о том, строить или не строить гидроэлектростанцию на Киваче.

«Как только в публику прошел слух о том, что Кивач будет сдан в аренду, в Горный департамент посыпалась масса прошений по участию в конкурсах. Это стремление получить водопад в эксплуатацию в свою очередь основано на недоразумении. До последнего времени в обществе господствовало убеждение о громадной силе Кивача. Господин Печаткин, основываясь на вычислениях инженера Фелькнера, определил силу Кивача в 200000 лошадиных сил, впоследствии господин Сазонов определил ее в 70000 сил, а недавно профессор Тиме определил

ее приблизительно в 12000 сил. Стоит ли хлопотать при таких условиях об утилизации Кивача для передачи электроэнергии в Петербург, когда гораздо ближе к столице находятся водопады: Нарвский (50000 лошадиных сил, 128 верст от Петербурга), Волховские пороги (80000 сил, 102 версты) и Иматра (136000 сил, 152 версты от Петербурга)? А Кивач удален от

Водопад Кивач.

Рисунок академика Н. Я. Озерецковского

Петербурга почти на 500 верст», – читаем мы в одном из номеров «Олонецких губернских ведомостей» за 1901 год.

А на следующий год та же газета пишет, что из трех водопадов Кивач самый удобный в географическом положении. Гидростанцию можно установить с левой стороны водопада, от Суны ее будет отделять поросший лесом гребень в шесть метров, «и станцию не будет видно». Данное строительство не испортит вида водопада.

Вскоре была высказана мысль о постройке на Киваче писчебумажной фабрики, естественно на основе даровой энергии падающей воды. Быстрым разумом «невтонам» зарождающегося капитализма не давал покоя величественный водопад, зазря сотрясающий скалы. Затем неумоли-

мый падун решило запрячь в работу военное ведомство, у которого родилась идея построить здесь завод по производству азотной кислоты, необходимой для изготовления пороха. В 1913–1916 годах были даже произведены технические изыскания и обоснованы предложения по возведению на Киваче гидроэлектростанции.

Всеми этим спорам и проектам положил конец Генрих Осипович Графтио.

Историческая справка

Г.О.Графтио (27.12.1869 – 30.04.1949), академик, инженер путей сообщения, крупнейший гидротехник и гидроэнергетик-строитель. Родился в Латвии, окончил физико-математический факультет Новороссийского университета (в Одессе) и Институт инженеров путей сообщения в Петербурге. По его проектам построены несколько гидроэлектростанций и крупнейших ТЭЦ. Был начальником строительства первой советской гидроэлектростанции на Волхове, а впоследствии двух гидроэлектростанций на Свири. Имя Графтио присвоено Нижне-Свирской ГЭС, где установлен бюст академика.

Графтио отверг идею строительства электростанции непосредственно на водопаде. Он рекомендовал с помощью канала отвести воды Суны в озеро Сандал и поставить станцию близ Кондопоги. При этом варианте можно было использовать естественный перепад местности между Сандалом (вместе с Нигозером) и Онежским озером, что почти втрое увеличивало напор воды по сравнению со строительством ГЭС непосредственно на Киваче. Кроме того, в данной схеме озеро Сандал играло роль естественного водохранилища, а Онежское озеро снимало большинство транспортных проблем.

В 1916 году по проекту, в основу которого была положена идея Г.О. Графтио, в Кондопоге началось сооружение гидроэлектростанции. Строительство первенца карельской энергетики было прервано революцией и начавшейся Гражданской войной,

следствием которой стали годы хозяйственной разрухи. Возобновлено оно было только в 1923 году. Пуск гидроэлектростанции с двумя турбинами, суммарная мощность которых составляла 5 500 киловатт, состоялся в 1929 году. Вместо завода по производству азотной кислоты в Кондопоге была возведена бумажная фабрика.

Пущенная в эксплуатацию ГЭС первой очереди использовала сток только бассейна озера Сандал. Однако по планам хозяйственного развития Кондопоге отводилась роль крупного промышленного центра с мощным целлюлозно-бумажным комбинатом, пегматитовым, кирпичным, деревообрабатывающим заводами. Для этого требовались новые энергетические мощности. Вот тогда и было признано необходимым строительство второй очереди ГЭС. В докладе академика Н.Н. Павловского «О проектно-изыскательных работах на Кондопожском перешейке» говорилось: «Признать рациональным и правильным установкой на Кондопожской ГЭС двух турбин с вертикальным валом и диаметром рабочего колеса 2,5 м нормальной мощностью 14 300 л.с. каждая и двух генераторов мощностью по 11000 киловатт каждый». Мощность гидроэлектростанции, таким образом, возрастала до 27 500 киловатт. Кроме того, было предложено выше водопада Гирвас построить плотину и отвести воды Суны в Пальозеро, откуда они попадали в Сандал, далее в Нигозеро, а затем по реконструированному каналу на турбины ГЭС. Мысль об улучшении схемы водоснабжения гидроэлектростанции с использованием реки Суны принадлежала профессору В. В. Болотову.

Для выполнения этой трудоемкой работы по решению ВСНХ СССР в 1932 году была создана организация «Сунастрой».

КИВАЧ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЗОРВАН!

Собирались ли при советской власти взрывать Кивач? Документальных свидетельств на этот счет обнаружить не удалось, возможно, их вообще не существует. Однако такие предложения действительно высказывались, у нас во все времена хватало людей, которые не хотели ждать милости от природы. Как бы то ни было, но в то время, когда «Кондострой», а за ним и «Сунастрой» делали свое большое и нужное для страны дело, знаменитый падун продолжали посещать туристы. Особенно часто здесь бывали школьники. Для педагогов было даже выпущено методическое пособие, посвященное тому, как правильно организовывать походы для знакомства с Кивачом.

В те годы люди, которые хотели побывать на Киваче, могли доехать по железной дороге до ст. Кивач. Или проплыть на пароходе до Кондопоги, откуда на моторной лодке можно было по Нигозеру и Сандалу добраться до Сопохи. За проезд на моторке в один конец брали 1 руб. 50 коп. От Сопохи до водопада туристы добирались пешком.

С 1927 года от Петрозаводска до Кивача курсировали автобусы. Детский билет стоил 4 руб., а взрослый – 6 руб., причем в оба конца.

Водопад в те годы выглядел так же величественно, как его описал в поэме «Карелия» ссыльный декабрист Федор Глинка:

*Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж хрустальное ребро
Пронзится горными лучами,
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят – пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!*

Водопадом любовались, водопадом восхищались...

Но существовал и другой взгляд на этот уникальный памятник природы, о котором тоже следует сказать.

В 1931 году группа молодых рабочих совершила лыжный поход от Москвы до берегов Северного Ледовитого океана. Их было одиннадцать человек и собака по кличке Белла. За 53 дня, из которых 34 были ходовых, а 19 – днями отдыха, лыжники прошли по Карелии и Кольскому полуострову 2400 километров. В северных деревнях и поселках, встречавшихся по пути, они читали лекции о том, как человек неумоимо укрощает природу, как преобразовывается жизнь страны на новый коммунистический лад. Если учесть, что качество туристического снаряжения в те годы значительно уступало нынешнему, и то, что погода лыжников отнюдь не баловала, то этот переход без натяжки можно назвать героическим.

В Национальной библиотеке РК имеется книга, написанная одним из участников похода – В. Федосеевым. Она называется «Северный рейд».

Вот как описывается в ней встреча лыжников с водопадом.

Глава называется «Кивач нужно взорвать».

«Мы сделали крюк, чтобы заглянуть на знаменитый водопад Кивач. Да, действительно очень красиво. Зеленая громада воды рушится вниз со

свирепым рычанием, и брызги замерзают на наших костюмах.

Мы стояли на самом краю скалистого обрыва, и носки наших лыж висели над пропастью. Мы были одни среди яростных волн и спокойной пелены снега.

Но потом мы нашли пустую консервную банку. Другую, третью... десятую. Они привели нас в ярость. Тогда мы заметили еще ресторан, правда, забитый и занесенный снегом.

И нам стало тошно.

Сюда съезжаются летом «туристы».

Не называйте себя так, гражданин турист. Серые гетры и зеленый наспинный мешок еще не дают вам этого права.

Вы привыкли любоваться природой и заодно опустошать консервные банки. Вы ахаете и охаете, глядя, как честные советские бревна ломаются, словно спички, бешеным ураганом воды. Вас не интересует, сколько тяжелого труда лесорубов уносит прожорливый красавец Кивач.

Гражданин, не позорьте звания туриста. Вы привыкли скользить по поверхности, как по тихой воде скользит глиссер. Вы – любитель красивых лужаек и соловьиных трелей. Вы – маляр, гражданин турист. Бюрократический зуд не дает вам покоя. Вы расписываетесь жирными красками на каждом утесе, и все-таки никто не запоминает вашей фамилии.

А в лесу, вон там, рядом, вам кажется сыровато. Там грязно в лесных избушках. Там пахнет потом. Там люди восхищаются какими-то фесметрами.

Не позорьте звания туриста, гражданин. Убирайтесь отсюда вон!

И мы тоже бежали от Кивача. Мы боялись, чтобы нас не назвали туристами в том смысле, как это теперь понимается многими. Мы не хотим опозлять это вполне советское наименование.

А в лесу, там, где пахнет потом, где в тяжелой борьбе даются фесметры, мы решили:

«Надо сломать красавца. Взорвать дармоеда. Нужно шире раскрыть дорогу советскому лесу».

Поскольку книжка ярко агитационная и написана в духе выступлений «синезлужников», то эмоции в ней бьют через край, это видно и по приведенному отрывку. Буза, одним словом. Но такие же настроения бытовали и среди тех, кто занимался реальной экономикой.

Кивач не взорвали.

В 1936 году было завершено строительство плотины близ поселка Гирвас, которая надежно закрыла для Суны прежний путь.

В начале следующего года газета «Красная Карелия» писала:

«...Перерезанная плотиной у высохшего теперь водопада Гирвас, Суна вот уже с ноября несет свои воды по новому руслу, начинающемуся с левого берега реки деривационным каналом.

Высохшее и обмелевшее русло Суны стало малопривлекательным: все водопады постигла участь смолкнувшего обнаженного Гирваса. Умолк и красавец Кивач, оскаливший теперь обнаженную зубастую пасть».

Впоследствии реке Суне все-таки приоткрыли вход в старое русло. Сток этот регулируемый. Но именно с той поры Кивач совсем не похож на того белопенного, украшенного радугами красавца, который предстал перед изумленным взором Державина.

*...О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!*

Но до чего же парадоксальна история!

Даже усмиренный и обезвоженный падун как был, так и остался узнаваемым символом Карелии.

В 1940 году без помпы и парада завершилась советско-финляндская война, которую с легкой руки поэта стали называть «незнаменитой». 31 марта того же года в Советском Союзе появилась еще одна национальная республика – Карело-Финская. Как и положено, у нее имелся свой герб, в центральной части которого был изображен хорошо известный всей стране водопад Кивач.

*...Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздаётся,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?*

PRIMUS INTER PARIS

Кивач, безусловно, самый известный водопад в Карелии. Primus inter paris, как говорили древние. Первый между равными. А самый ли он большой? Самый ли мощный?

Почти во всех книгах о природных памятниках нашего края встречается одна и та же незамысловатая сказка.

Мол, жили-были две сестры – Шуя и Суна. Когда подросли и заневестились, решили они поискать себе женихов. Долго текли рядом, но вот устали и прилегли отдохнуть. Крепким сном уснула Суна, а когда проснулась, то увидела, что коварная Шуя,

не дождавшись ее, убежала вперед. Бросилась Суна вдогонку, но тут огромные скалы встали у нее на пути. Сбрав все свои силы, метнулась Суна вниз, но и там не нашла она Шуи. Однако силы Суны уже иссякли. Измученная и обессиленная, потекла она к Онежскому озеру, так и не встретив своей сестры. А в том месте, где Суна бросилась с каменного уступа, образовался водопад.

В записи этнографа Веры Николаевны Харузиной встреча реки с каменной преградой приводится в иной, более поэтической редакции. Приведу и этот текст.

«Голубая красавица Суна тихо выплывает из лесу, и мирно катит она свои светлые волны, не подозревая опасности. И вдруг видит – стоят черные мрачные утесы, загрозили, заступили ей дорогу. И просит красавица Суна: «Пропустите, утесы, дайте дорогу». Стоят черные утесы, усмеваются: «Попробуй, красавица, сама пройти – авось посчастливится, держать насильно не станем». Видит Суна – пройти трудно будет, и заворачивает она тихонько в сторону, чтобы выиграть время. А сама все ластится: «Дайте пройти, утесы». – «Проходи, проходи, красавица». И решила Суна на трудное дело: пройти во что бы то ни стало. Бросается она грудью на утесы, спешит, мечется в разные стороны. Разрывают ее утесы, ставят преграды, ловят красавицу, да вырывается она всей силой – вот и вырвалась и, еще утомленная трудной, почти непосильной борьбой, гневная, испуганная, собирая разрозненные струи, бежит она изо всех сил дальше от места страшной борьбы».

Жуткая история. Действительность же намного суровой и проще.

Суна – вторая по величине река Карелии. Ее длина двести восемьдесят два километра, из которых более семидесяти составляют озера, образующие цепочку в верхнем течении.

Это типичная северная река и более всего похожа на лестницу из водопадов и водоскатов с промежуточными плесами-площадками в виде озер или озеровидных расширений.

Всего на Суне свыше пятидесяти порогов и водопадов. Наиболее крупные из них расположены в нижнем течении реки: Гирвас, Пор-Порог и Кивач. В одной из Памятных книжек Олонецкой губернии говорится, что эти водопады представляют три момента борьбы Суны с горными кряжами: трудность первого приступа (Гирвас), ожесточенность битвы (Пор-Порог) и торжество победы (Кивач)...

Гирвас, самый верхний в сунской троице, расположен на 69-70-м километре от устья реки. Он крепко зажат в скалистых берегах из диоритов и слан-

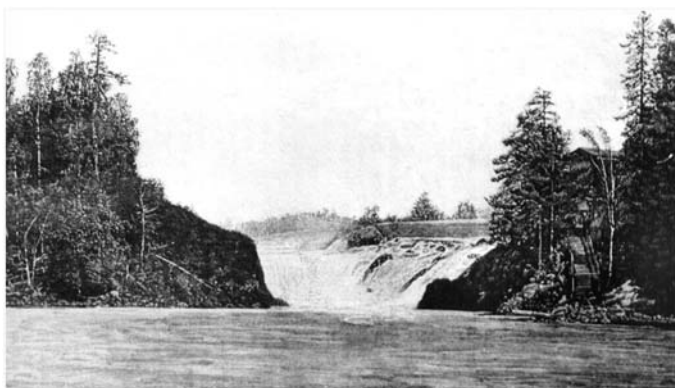
цев. По сути, это водоскат, не совсем точно названный водопадом. Выше его раньше находился плес, из которого река вырывалась порожистым каскадом общей длиной до километра. «Гирвас, – пишут специалисты, – состоит из двух стремнин, причем верхняя из них является

настоящим водопадом, что и дало основание весь Гирвас называть водопадом. Падение этих двух каскадов составляет более 10 метров. Ниже находятся еще два небольших порога, так что весь водоскат обладает падением 14,8 метра».

Сейчас Гирвас выглядит совсем не так, как на старых фотографиях. Поставленная перед ним плотина совершенно изменила облик реки.

За Гирвасскими каскадами расположен тихий двухкилометровый плес, отделяющий Гирвас от следующего за ним Пор-Порога. Этот природный комплекс, который тоже иногда называют водопадом, по существу является обычным каскадом. Он состоит из двух ступеней почти одинакового падения: верхняя из них тянется двести метров и имеет перепад высот в 7,3 метра, а у нижней при той же высоте падения длина 210 метров. Каждая из ступеней каскада в свою очередь состоит из нескольких более мелких ступеней.

Значительно ниже Пор-Порога, точнее, в 30 километрах от устья Суны находится водопад Кивач. Он

состоит из двух потоков – правого, который является главным, и левого, называемого, соответственно, второстепенным.

Академик Озерецковский насчитал в главном потоке Кивача три ступени, поэт Державин оказался более наблюдательным и таких ступеней обнаружил четыре. О четырех ступенях пишут и поэт Федор Глинка («Кипя над четырьмя скалами...»), и все остальные исследователи.

Протяженность водопада составляет примерно 170 метров, общее падение реки на этом участке равно 10,7 метра, а четвертой ступени, то есть собственно водопада – 8 метров.

Что из этого следует?

А следует из этого то, что и Гирвас, и Пор-Порог превосходят Кивач по высоте падения, но они не являются водопадами.

Гидролог, озеровед, историк науки и техники Севера, доктор географических наук С. Григорьев пишет: «Смешением понятий водопад, порог грешат иногда и научные труды. Но следует строже различать эти понятия. Водопадом надо назвать от-

*Беседка, водопад и царский дворец.
Фото С. М. Прокудина-Горского.
Начало XX века.*

весный уступ большей или меньшей высоты, образуемый ложем реки, с которого вода падает струей той или иной мощности и ширины. Если уступ падения состоит из нескольких ступеней, представляющих каждый маленький водопад, тогда мы имеем дело с каскадом. Уступ падения не отвесный, но крутой, где вода несется как по лотку, надо называть водоскатом. Порогом правильнее называть такой водопад, когда отдельные уступы падения участка выражены неясно».

Так что по высоте отвесного падения воды первое место в нашей республике все-таки занимает Кивач. Следом за ним идет водопад Кумской на Ковде-Куме, третье место занимает Воицкий падун на Нижнем Выге.

А вот по своей кадастровой мощности, той самой теоретически вычисляемой величине, которая является основополагающей для энергетиков, Кивач в нашем крае, как с удивлением было выяснено, даже не входил в пятерку сильнейших. В свои лучшие годы он, по свидетельству специалистов, занимал лишь шестое место, пропуская вперед другие сунские водопады-каскады – Гирвас и Пор-Порог. Лидировал же в этом списке силачей водопад Ужма на реке Кеми, в ее состоянии до 1932 года.

Зато живописностью, своеобразием, царственным величием Кивач выдерживал сравнение с крупнейшими водопадами Европы: Рейнским, Тролльгеттой (Trollhätta – водопад на р. Гот в Швеции), Иматрой на р. Вуоксе, Нарвским и другими.

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

У главного водопада Карелии запоминающееся, но как бы прикрытое флером таинственности имя – Кивач.

Выдающийся русский филолог академик Я. Грот считал, что в основе этого названия лежит финское слово «kivi», обозначающее в переводе «камень». Он также предположил, что первоначально понятие «кивач» не являлось именем собственным, а было местным обозначением больших порогов, иными словами, географическим термином. При этом Грот ссылаясь на «Поденную записку» Г.Р. Державина, где о реках Суне и Шуге сказано следующее: «...местами проезжают по оным малыми судами; свободного же, по причине двух к и в а ч е й, или больших и множества других малых порогов, судового хода по ним нет...»

По мнению Н. Шайжина, преподавателя истории, словесности, литературы, еврейского языка (в Олонецкой духовной семинарии), географии и природоведения (в женском епархиальном училище), рус-

ского и церковнославянского языков (в духовном училище), а кроме того публициста и краеведа, имя водопада происходит от карельского слова «кивас» (kivas), что означает «снеговая гора». По мысли исследователя, данное название более всего подходило к могучему падуну, всегда белому от пены.

«Красиво, но... необедительно, – пишут современные исследователи Г. Керт и Н. Мамонтова («Загадки карельской топонимики»). – В Карелии существует ряд подобных названий, обозначающих в основном небольшие географические объекты, для сравнения которых со снежной горой нет никаких оснований. Финский ученый В. Ниссиля приводит такие топонимы: Kivatukosi (р. Важина), Kivatulambi (Святозеро), Kivatund'oqi, d'irvi (Пряжа), Kivatlu, (поле, Шелтозеро). В один ряд с ними он ставит: Kivatlu (полуостров на реке Шуге), Kivatluvi < Kivatjirvi (Пугозеро), Kivazd'irvi (Вохтозеро), Kivaine (поле, Ведлозеро), Kivaa (луга, Каскесручей), Kivioinurmed (покосы, Кондопога), а также названия, извлеченные из Писцовых книг: «дер. на Кивессалми, на Кивассалмы» (Водлозеро), «дер. на Кивенице, дер. Кивитцы». По его мнению, все они, как и Кивач, восходят или к основе kivi – камень, или соотносятся с финским kiivas – бурный, порывистый (диалектное kiiva, кар. kiva – быстро). Такой же этимологии придерживались финские ученые Я. Калима, Э. Тункело, немецкий славист М. Фасмер, советский топонимист В.Никонов. Суффикс -lu, -lu (l, lu), возможно, карело-вепского происхождения. В свое время он был весьма продуктивен при образовании нарицательных имен существительных».

Неубедительно, по мнению Г. Керта и Н. Мамонтовой, и предположение о том, что Кивач – это русское образование от нерусской основы, подобно словам «ловкач», «рвач», «трубач», «косач» и др.

В общем, есть о чем и над чем подумать. Точка в этой истории еще не поставлена.

ЗАГАДОЧНЫЙ КАНАЛ

Для стоянки легковых автомобилей и туристических автобусов в заповеднике «Кивач» отведена большая, она же единственная площадка. Отсюда современные путешественники по лестнице спускаются прямо к водопаду. По пути они проходят деревянный мостик, переброшенный через русло канала. В сухие годы можно наблюдать такую любопытную особенность: с правой стороны по каналу струится прозрачный поток, а с левой стороны его уже нет. Вода уходит в камни непосредственно под мостиком.

Полюбовавшись вблизи на Кивач, туристы пере-

ходят на главную смотровую площадку, откуда открывается самый удобный для фотосъемки вид на водопад. На этом пути им снова встречается еще один небольшой мостик, с которого хорошо видно, как из-под груды камней рождается полноводный поток, который, низвергаясь с крутой скалы, образует левый второстепенный каскад падуна.

Со смотровой площадки туристы по лестнице поднимаются на дорогу, ведущую к Музею природы. Со своей нижней части она переброшена через сухой канал, более всего напоминающий длинный каменистый ров, и мало кто догадывается, что это не каприз природы, а рукотворное сооружение.

По берегам Суны испокон века рубили лес, а поскольку удобных дорог не было, его сплавляли по реке.

Гаврила Романович Державин во время своего путешествия по Олонецкому краю захотел наглядно убедиться в силе Кивача. По его просьбе выше водопада было срублено дерево и пущено вниз по течению. Вот оно мелькнуло в брызгах второй ступени, третьей и полностью исчезло в клочущей бездне основного падения. Вместо цельного ствола из котла падуна выплыли только щепки.

«В весеннюю водополь падение воды бывает здесь столь сильно, что большие бревна, пущенные с порога, надвое и больше переламываются», — отметил в своих записях академик Н. Озерецковский.

Менее половины бревен сохраняли свою целостность после скачки в водопаде. Именно поэтому в 1837 году, по проекту смотрителя Балтийского округа корабельных лесов (к ним относились и сунские боры) лесничего Пеганова, в обход Кивача был сооружен первый в России крупнейший бревноспуск. С описанием этого уникального сооружения можно ознакомиться в книге И. Данилевского «Люди русской техники». Шириной оно было 2 метра 10 сантиметров и позволяло гарантированно пропускать хлысты до 19 метров длиной и 66 сантиметров толщиной.

Такой же деревянный желоб, но более скромных размеров, позднее был сооружен в Косалме на протоке, соединяющей Кончезеро и Укшезеро.

Остатки древнего бревноспуска догнали на ле-

вом берегу Кивача еще в тридцатые годы прошлого столетия. Позднее на этом же месте был устроен более удобный лоток для проплыва бревен. Замшелые деревянные стенки его конструкции и сегодня можно увидеть около того самого мостика, по которому туристы идут к водопаду.

Наличие обводного канала не спасало сплавщиков от появления на реке так называемых заломов. Некоторые бревна, плывя по течению, застревали между камней и тем самым создавали препятствие для идущего сверху леса. Беспорядочное нагромождение древесины порой достигало высоты двух- и даже трехэтажного дома.

*Сверху вниз: На бревне.
Люлечник.
Сплав на реке Суна.*

Для очищения реки от этой напасти применяли следующий способ: с берега на берег протягивали канат, по которому на блоке скользила подвижная люлька, в люльку садился рабочий и, повиснув над бездной, распикивал застрявшие бревна багром или накидывал на них веревочные петли, с помощью которых сплавщики растаскивали эту нежелательную плотину.

Сплав по Суне производился более двух веков. Он был прекращен уже на памяти ныне живущего поколения.

В семидесятых годах прошлого столетия Совет Министров КАССР принял постановление о возрождении для нужд туризма знаменитого водопада. В этом документе был определен четкий порядок восстановительных работ. Предусматривалось, в частности, построить ниже Кивача висячий мост со смотровой площадкой, сделать нарядную главную лестницу с арочными воротами, поставить кафе-магазин и беседку, в которой посетители могли бы укрыться от дождя, разобрать сплавной лоток и засыпать его камнем. А самое главное – очистить русло Суны от древесины, оставшейся после сплава.

Лоток действительно засыпали, а вот бревна гниют по берегам и на дне реки до сих пор, в некоторых местах топляк устилает ложе Суны в несколько рядов, что хорошо видно в солнечную погоду.

Водопад Кивач.

Иллюстрация из книги «Живописная Россия»

СЛЕДЫ БЫЛОГО

В 1858 году к приезду императора Александра II, пожелавшего осмотреть Кивач, на вершине скалы был построен павильон в два этажа с полукруглым балконом. Этот домик, наружный фасад которого

был скопирован с рисунка такой же постройки у известного Рейнского водопада, получил название Царского дворца. Внутри павильона имелся просторный столовый зал с выходом на балкон и небольшой кабинет. Из передней был устроен ход на второй этаж, где располагались две комнаты.

Его Императорское Величество провел на Киваче около часа и, как говорится, «изволил иметь в павильоне обеденный стол».

После отъезда августейшего гостя павильон отнюдь не закрыли до следующего высочайшего визита, как это у нас повелось в большевистские

времена. Нет, здесь мог остановиться на ночлег любой путешественник. Правда, для этого он должен был взять разрешение, как тогда говорили, «выписать билет», или в канцелярии горного начальника (в Петрозаводске), или у главного смотрителя Кончезерского завода.

Почти за семьдесят лет деревянное строение, постоянно и обильно орошае-

мое брызгами водопада, изрядно обветшало, и летом 1926 года на месте павильона построили гостиницу, в которой можно было и перекусить, и заночевать. Плата за отдельную койку с постельными принадлежностями составляла 75 копеек, а без них – 20 копеек. Остановливавшиеся здесь туристы совершали экскурсии по окрестностям Кивача – к деревне Викшица, расположенной на берегу Пертозера, на гору Орел, где были видны следы старых медных разработок, и в деревню Сопоха, раскинувшуюся на живописных берегах Сандала.

Сейчас на площадке нет и этого дома. О нем напоминает лишь торчащее из земли полусгнившее бревно. Нет и обзорной беседки на противоположном берегу реки. Ее облик мы можем представить разве что по старым снимкам и открыткам.

За обзорной площадкой, там, куда туристы обыч-

но не заходят, лежит скрытый густой зеленью кустарника большой каменный жернов. Это все, что осталось от когда-то располагавшейся на протоке крестьянской мельницы. Второй жернов был поднят вверх, на территорию центральной усадьбы заповедника, и сейчас находится за Музеем природы.

Построенный к приезду Александра II наплавной мост впоследствии заменили на капитальный, который нередко сносило весенними паводками. Этот мост разобрали в семидесятые годы прошлого века после того, как была закрыта дорога на Кивач со стороны деревни Викшица. По ней приходили на водопад бесчисленные и бесконтрольные группы туристов, нарушающие заповедный режим. Сейчас об этом гидросооружении напоминают только осыпавшиеся груды камней, некогда заполнявшие опоры моста.

А для сотрудников заповедника, которым все-таки необходимо бывать и на противоположном берегу Суны, сделан пешеходный переход. Он находится намного выше водопада, и поэтому сегодняшние туристы об этом единственном на всю округу навесном мосте даже не подозревают. К тому же все подходы к нему контролируются сотрудниками лесной охраны.

ЗАПОВЕДНЫЙ ОСТРОВ

Туристы приезжают полюбоваться на водопад, а попадают в заповедник, причем некоторые из них имеют весьма приблизительное представление о том, зачем заповедники вообще нужны, и на эту тему не раз доводилось слышать самые фантастичные предположения. Поэтому не лишним будет отметить, что заповедник есть не что иное, как территория, полностью выведенная из хозяйственного

оборота. Здесь природу сохраняют в ее первозданном виде и, разумеется, изучают. Другими словами, заповедники – это те своеобразные эталоны, в сопоставлении с которыми человек может, в частности, контролировать степень своего воздействия на окружающую среду.

К необходимости иметь такие дикие уголки в тундре, лесах, степях и даже пустынях люди пришли не сразу. Первоначально перед заповедниками ставили совсем иные задачи.

Один из старейших в стране государственный заповедник «Кивач» был организован Карельским научно-исследовательским институтом в 1931 году как база для проведения не только научно-исследовательских, но в первую очередь опытно-хозяйственных работ «в полном соответствии с требованиями социалистического строительства края». Площадь его в то время составляла 2000 га.

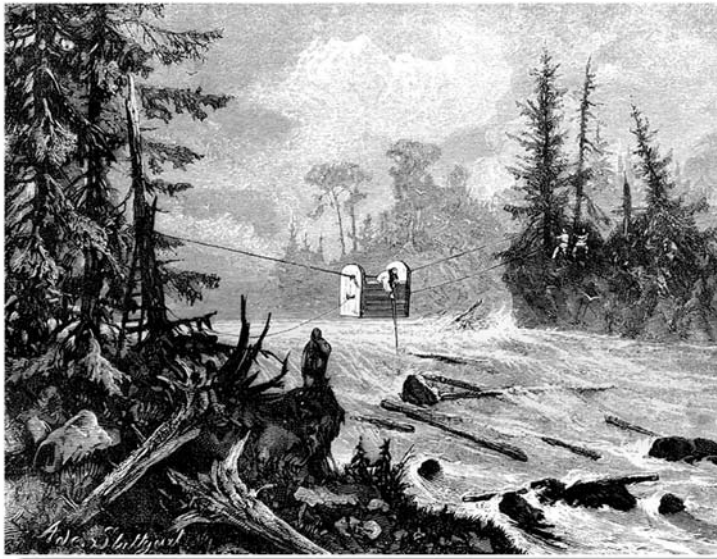
Профессор А. Педдер, один из тех, кто стоял у истоков этого нового для Карелии направления

научной деятельности, писал:

«Для выполнения указанных работ в 1933 году при заповеднике открывается ряд постоянных станций и пунктов, освобождающих заповедник от необходимости экспедиционных методов исследований».

С 1932 года здесь стала действовать первая в республике лесная метеорологическая станция. В 1933-м был заложен дендрологический питомник. В нем предполагали ставить опыты по выращиванию быстрорастущих древесных пород, которые смогли бы в кратчайшие сроки пополнить сырьевую базу промышленности.

12 июля 1941 года заповедник был закрыт в связи с началом войны. 31 января 1946 года возобновил свою деятельность в составе Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. В 1947 го-

Люлечник.

Иллюстрация из книги «Живописная Россия»

ду площадь заповедника была увеличена более чем в пять раз и стала составлять 10 300 га.

В 1965 г. «Кивач» стал самостоятельным учреждением в составе Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, с 1988 г. находится в непосредственном ведении Госкомприроды РСФСР и последующих правопреемников этого комитета.

В настоящее время площадь заповедника составляет 10 460 гектаров. С севера на юг он протянулся на 12, а с запада на восток – на 14 километров. По периметру этого заповедного острова проходит охранный зона площадью более 6 тыс. га, в которой также запрещены все хозяйственные работы. В границах заповедной территории расположены Пандозеро, часть Сундозера, Мунозера, Пертозера и девять лесных ламбушек. Здесь протекают реки Суна и Сандалка, несколько ручьев. Имеется с полсотни болотных урочищ. Но большую часть заповедника, конечно, занимает лес.

Александр Сухов, который много лет был директором заповедника, рассказывает:

– Сегодня «Кивач» является природоохранным, научно-исследовательским и эколого-просветительским учреждением федерального значения. Наша главная цель – сохранение и изучение природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов растений и животных, типичных и уникальных экологических систем.

Здесь мы видим типичные ландшафты средне-таежной зоны Карелии.

Растительный мир здесь достаточно разнообразен и богат.

В лесах из хвойных пород преобладает сосна (42%), причем встречаются деревья-великаны, возраст которых более трехсот лет. Елей здесь растет несколько меньше (32%). Из лиственных пород преобладает береза (18,7%). Имеются, конечно, и осина, и ольха серая, и ольха черная, встречаются ильм и липа мелколистная. Всего же в заповеднике представлено 788 видов растений из 1671, выявленных на территории Карелии. Как отмечают специалисты, это рекордное число для столь небольшого участка подзоны средней тайги. К местным редкостям относится северная орхидея, известная как Венерин башмачок, и еще шесть видов, внесенных в Красную книгу России.

В буклете, выпущенном к 75-летию заповедника (2006 г.), отмечается, что по количеству и разнообразию насекомых этот уголок природы вполне может претендовать на одно из лидирующих мест в Северной Европе. Жуки, бабочки, осы, мухи, комары – их тьмы и тьмы – всего свыше тысячи видов.

«Кивач» – лесной заповедник, и это определяет характер фауны. Здесь весьма обычны лось и бурый медведь, белка и заяц-беляк, лиса и куница. Время от времени появляются волки. Из редких видов зарегистрированы рысь, россомаха, косуля, белка-летяга.

Встречаются 5 видов земноводных, 3 – пресмыкающихся.

Из 288 видов птиц, отмеченных в Карелии, в заповеднике гнездится 138. Еще 78 видов зарегистрировано на пролете. Как следствие такого пернатого многообразия, «Кивач» объявлен ключевой орнитологической территорией международного значения.

Отдельно следует сказать о рыбах.

Некогда здешние водоемы славились ее обилием, а знаменитых сунских сигов обозами доставляли по зимникам в Петербург.

Сегодня в «Киваче» зарегистрировано 27 видов рыб. Здесь водятся окунь, плотва, щука, ерш, встречаются лещ, язь, налим, в озерах есть сиг и ряпушка, в ручьях – форель. Однако слава о былом рыбном богатстве сегодня существует разве что в качестве преданий. В настоящее время заповедник совместно с государственными учреждениями «Карелрыбвод» и «Карелэнерго» принимает активные меры, направленные на улучшение экосистемы Нижней Суны в целом и, в частности, на возобновление воспроизводства лосося, для нерестилищ которого ниже водопада были отсыпаны галечники.

СКАЛЫ, ЛЮДИ, ВОДОПАД И СУЕВЕРИЯ

«Кипит вода в камнях холодных...» Ну, и так далее. Это взгляд поэтический.

А что говорит наука?

У науки язык, конечно, суше, но точнее.

«Район заповедника имеет сложную геологическую историю, которая отразилась в строении ландшафтов. На охраняемой территории представлены осадочно-вулканогенные породы среднего протерозоя, интрузии габбро-диабазов и четвертичные отложения. Каждый этап естественной истории наложил свой отпечаток на ландшафт заповедника: древние тектонические разломы обусловили рисунок гидрографической сети, определили форму и размещение озер, а в четвертичное время ледник и талые ледниковые воды сгладили рельеф, размыли и перераспределили осадочные породы. После таяния ледника вся территория, занимаемая ныне заповедником, за исключением отдельных скалистых гряд, была затоплена до высоты 90 м над современным уровнем моря. Озера, окружающие заповедник

в настоящее время, были частью Онежского озера. По мере спада уровня послеледникового озера ландшафт стал приобретать современный облик...

Суна пересекает заповедник с северо-запада на юго-восток. Ширина реки на плесовых участках – 70-150 м, на порожистых – 20-30 м, падение – 1,15 м/1 км течения, общая длина – 293 км, в пределах заповедной территории – 12 км... О водопаде Кивач следует сказать особо. Воды Суны, врезаясь в рыхлые четвертичные отложения, сталкиваются с диабазовой грядой. Поток, низвергаясь со скалы, углубил русло реки в толще озерных суглинков и супесей ниже гряды. Таким образом возник водопад, по имени которого назван заповедник. Водопад Кивач – второй по величине (после Рейнского) равнинный водопад Европы...» (Э. Ивантер, А. Тихомиров).

Оказавшись на этих древних скалах, люди словно впадают в беззаботное детство. Без усталости лазают по кручам, фотографируются на фоне водопада. Тысячи снимков Кивача хранятся в семейных альбомах.

Летом 2006 года кто-то из туристов решил повторить эксперимент Державина и спихнул в Суну шестиметровое бревно, десятки лет пролежавшее на берегу. Только силы у водопада давно уже не те. Бревно благополучно миновало первые три ступени, а перевалив через четвертую, застряло в расщелине скалы на дне котловины и, пока его не снесло весенним льдом, портило всем фотографам общий вид знаменитого падуна.

Покидая Кивач, многие люди бросают в воду монеты – для того, чтобы еще раз сюда вернуться. Делается это обычно в двух местах: или у начала водопада, – там скала полого уходит в воду, – или же с мостика, который перекинут через боковой поток. Лежащие на дне монеты не портят общий вид ландшафта, что не скажешь о цветных тряпочках, которые «на счастье» привязываются к веткам деревьев. В Карелии так делали столетиями, но на Киваче эта мода появилась недавно. Впрочем, администрация заповедника не запрещает туристам забавляться в свое удовольствие, однако поздней осенью тряпочки с деревьев снимаются, и зиму водопад встречает в своей природной красоте.

Отметив свое пребывание на диких скалах, туристы идут в Музей природы. Там им рассказывают о фенологических наблюдениях, о цветах и деревьях, зверях и птицах...

Около панорамы, где воссоздан уголок тайги, довелось услышать следующий разговор.

Одна молодая женщина, указывая на чучело гагары, спросила:

– А это кто?

– Пингвин, – уверенно пояснила ей подруга и добавила: – Они тут недавно пролетали.

КИВАЧ: ВРЕМЕНА ГОДА

В заповеднике с 1967 года, то есть уже более сорока лет, ведется «Летопись природы» – фенологический документ, в котором фиксируются изменения природного цикла, происходящие изо дня в день, из года в год.

В этой небольшой главе нет места легендам и домыслам, здесь рассказ основан на точных научных наблюдениях.

По данным специалистов, климат в районе Кивача характеризуется продолжительной зимой и коротким прохладным летом. Во все сезоны отмечаются высокая влажность и капризная неустойчивая погода.

По данным метеостанции, расположенной на центральной усадьбе заповедника, среднемесячная температура января, считающегося самым холодным месяцем, минус 15,4°; абсолютный зафиксированный минимум – минус 40,6°, среднемесячная температура июля, самого теплого месяца, плюс 16,8°; абсолютный максимум – плюс 34,7°.

Количество осадков, выпадающих в течение года, в среднем равняется 569,2 миллиметра, что близко к максимальным среднегодовым осадкам, отмеченным на юге Карелии, – 600 миллиметров.

Количество дней, когда территория заповедника покрыта снегом, обычно равняется 165-175, в отдельные годы бывает за 200. Высота снежного покрова 30-35 сантиметров, но это опять же в среднем, случаются годы, когда снежное одеяло приближается к метру.

Осень на Киваче начинается рано.

В середине августа–начале сентября желтеют листья березы, начинают краснеть рябина и осина. Отлетающие в теплые страны птицы собираются в стаи. Уже слышится с небес прощальное курлыканье журавлей.

В середине сентября наступает золотая осень.

У берез активный листопад, желтеет хвоя лиственниц, на болотах поспевают клюква, улетают ласточки, мухоловки-пеструшки, трясогузки, наблюдается массовый пролет кряквы, журавля, чечетки. У рябчиков – так называемый ложный ток, и по утрам из леса доносится задорный посвист лесных петушков, а у лосей свадьба, на языке охотников – осенний гон.

В конце сентября случаются заморозки, и лужи на дороге к утру затягиваются тонким ледком. Наступает глубокая осень, продолжающаяся до

начала ноября. Полностью сбрасывают листву клены, осины, тополя.

В третьей декаде октября–начале ноября выпадает снег. Обычно он через день–другой сойдет, потому что лег на еще теплую землю, но подобное происходит не каждый год. На Суне отмечаются первые ледяные забереги. Прилетает на зимовку оляпка.

Зима приходит с образованием устойчивого снежного покрова, замерзания озер и ламбушек. В ноябре и декабре довольно часты оттепели. Это период так называемой «мягкой» зимы. Все зайцы-беляки успели одеться в зимние шубки, медведи залегли в зимнюю спячку, лоси сбросили свои рога. А березы – их здесь много – изо дня в день с крестьянской рачительностью продолжают рассыпать вокруг себя семена.

На смену «мягкой» зиме приходит зима «холодная». Среднесуточная температура редко поднимается выше минус 10°. Этот многоснежный период длится до середины февраля. Затем наступает предвесенье. Еще белеют вокруг сугробы, а пухляк и большая синица уже предвещают своими незатейливыми песенками неминуемый приход тепла. Им вторят веселой барабанной дробью дятлы.

В конце марта–середине апреля начинается снеготаяние. Рано утром и вечером, перед заходом солнца, в лесу и на болотах слышно неясное бормотание и «чуфыканье» – это начали токовать тетерева.

В апреле дружно тают сугробы. В лесу появляются проталины. Пылит ольха, и вот-вот начнется сокодвижение у березы. Это период так называемой «пестрой» весны, характерной особенностью которого является прилет птиц. Появляются скворцы, белые трясогузки, о которых в народе говорят, что они «хвостами разбивают лед». Начинается массовое токование тетерева и глухаря. Просыпается от спячки барсук. К концу апреля оживают муравейники, порхают первые бабочки-крапивницы и толкутся комары-дергуны, но это еще не те, которые кусаются, кусачие будут немного позже. Начинается весенняя тяга у вальдшнепов, токуют вяхири, пробует свой голос певчий дрозд, а зайцы расстаются с белыми зимними шубами.

К началу мая снег в лесу остается только отдельными пятнами. Суна полностью освобождается ото льда. На открытых местах цветет мать-и-мачеха. Зеленеют почки у лиственницы, дают свои первые концерты травяные лягушки, начинается массовый пролет лебедей, и уже слышится с вышины нежное «блеяние» бекасов.

Приход «зеленой весны» знаменуют народившиеся листья берез и рябин. Это время первого кукования кукушки. У прилетевших птиц семей-

ные заботы: они устраивают гнезда, откладывают и насиживают яйца.

В первой декаде июня, когда минимальные температуры переходят через +10°, наступает лето. Самая высокая летняя температура (+ 34,7°) зарегистрирована в июле.

Лето – это пора массового цветения растений.

В конце мая–первой половине июня цветут черемуха и смородина, распускаются ландыш и купальница, земляника и морошка. Пылят сосны. Над шиповником жужжат шмели, у крякв первые выводки – теплынь, благодать: лето.

В конце июня зацветают брусника и клюква, а у земляники появляются спелые ягоды.

Июль – разгар лета. Зацветает иван-чай. В середине месяца начинает созревать черника. В эту пору можно найти и первые белые грибы, подосиновники, подберезовики.

В конце июля–первых числах августа поспевают малина. Но лето уже пошло на спад, и вскоре начнется массовый отлет ласточек, дроздов, стрижей.

В конце августа–начале сентября, бывает, отмечаются и первые заморозки на почве. В зеленом уборе берез уже видны первые желтые пряди, в массе своей вызрела брусника, потянулись в теплые края косяки гусей... А это значит, что в Кивач снова пришла осень.

НЕМНОГО В СТОРОНУ, ИЛИ РАССКАЗЫ ДОЖДЛИВОГО ДНЯ

Дождь приходил вместе с утренним рассветом и прекращался лишь вечером, когда наступали сизые сумерки. Пролился бы сплошным неистовым потоком, за час-другой выдоил тучи, но нет, точится мелкий, нудный, почти незаметный – день за днем, день за днем.

На Киваче подобное случается.

В 1888 году группа петербуржцев две недели провела у сунских водопадов, и все это время их сопровождал дождь. Дорогу развезло до полного изумления, и люди увязали в грязи по косточку. Но зато путешественникам довелось увидеть и некоторые экзотические редкости. Например, крестьянские дома в северной глубинке, столь огромные, что где-нибудь в средней России из леса, пошедшего на один такой дом, можно было построить целую деревню. А в этих домах – вот уж действительно чудо! – им не встретилось ни клопов, ни тараканов, «ни прочих врагов рода человеческого».

У водопада Гирвас они наблюдали, как в Олонецкой губернии сплавляют лес. Река ревет, а здешние смельчаки с баграми в руках, балансируя на скольз-

ких бревнах, стремительно мчатся между камнями. «Часты ли несчастные случаи?» – поинтересовались путешественники. «Не часты, – ответили им рабочие, – одна-две смерти за сплав».

Что же касается водопадов, то они не произвели на путников большого впечатления. Отметили только, что «Кивач красив, но Пор-Порог и Гирвас живописнее». В павильоне близ Кивача они всласть выпались и с удивлением отметили, что «под постоянный шум и грохот воды спится хорошо».

Уже за Кивачом путешественникам довелось сплавиться по Суне, правда, не на бревнах, а в лодках, но все равно, когда проходили пороги, натерпелись страха. «Один неловкий поворот на этой быстрине, удар о камень – и лодку перевернет, а там выбирайся как умеешь». А вообще, «Суна течет в красивых, гористых, сплошь покрытых березовым, сосновым и ольховым лесом берегах», но «на порогах несетя, как бешеный конь...»

Обо всех этих впечатлениях один из путешественников написал очерк, и «Нива», самый популярный журнал того времени, опубликовала его на своих страницах, несмотря на многочисленные литературные погрешности.

Мне этот бесконечный дождь тоже в конце концов надоел.

Что делать на Киваче в непогоду?

Можно устроиться с товарищем на кухне, заварить крепкий чай и продолжить разговор, который не успели закончить в прошлый раз. Но лучше затопить баньку и вести беседу там, ожидая, пока дойдет до нужной кондиции каменка.

С моим давним другом Александром Суховым мы выбрали последнее.

Сухов, по специальности орнитолог, в Киваче живет почти тридцать лет.

Под дождем мы наносили дров и воды. Затрещала разгорающаяся береста, и пахло горьковатым дымком. Около одного из домов безостановочно лаяла привязанная собака. Возможно, поэтому наш разговор пошел о животных, но не тех, которые обитают в лесу, а живших в разное время в поселке – диких, но похожих на домашних, и домашних, похожих на диких.

– Привезли к нам как-то лосенка, – вспоминал Сухов. – Его в лесу нашли. Люди не видят разницы между заповедником и зоопарком, вот и тащат сюда зверье. В тот раз была лосиха. Назвали ее Зинкой, и стала она всеобщей любимицей – бродила по деревне где хотела. Идешь, бывало, на работу – навстречу Зинка, дашь ей, сиротке, хлебушка. Выросла Зинка в здоровущую корову. Увидит кого, сама бежит – корми, мол. Мордой толкается, а если нет ничего вкусенького – сердится, копытами землю роет. Дошло до того, что от нее стали прятаться. Дальше – хуже: в дома начала заходить. Однажды ко мне в коридорчик затолкалась, а он узкий, Зинка встала парковой

**Водопад Кивач.
Полвека назад.**

скульптурой и повернуться не может. Туалет у нас, кстати, в то время находился на дворе. У меня были гости, и один из них, как на грех, вышел в коридор. Слышит, а в темноте кто-то дышит. В общем, гость получил незабываемые впечатления до конца своих дней.

Кончилось же тем, что лосиху отвезли подальше от заповедника и отпустили в лес.

– Тогда же в поселке еще и лебедь жил...

– Нет, он позже появился. Первое время прятался в старой бане, отшельника изображал. Людмила Захарова его потихоньку подкармливала. Когда привык к людям, тоже бродил по деревне и шипел

на всех, так, на всякий случай. Очень сварливая оказалась птица, не то что воспитанники Юстаса и Галины Эркко. У них в разное время жили болотная сова, утка, ворон Карлуша.

Этих я помню. Сову не раз фотографировал, с Карлушей был дружен, мы с ним на радость туристам катались вместе на велосипеде – я крутил педали, а он уцепится за багажник, распахнет крылья и орет от восторга на всю округу.

– В середине восьмидесятых появился у нас свой домашний скот, – рассказывал Сухов. – Главный лесничий Бурлуцкий сказал, что лесник без лошади, как птица без крыльев, и купили мы трех лошадей. Одна смиренная была, с жеребенком, вторая – дикого норова, а третий был громадный жеребец по кличке Янычар.

Лесники, как я понял, к лошадям относились философски, говорили, что если в обход ездить, то лошадь, конечно, нужна, а если содержать их и ухаживать – то нет. Тем не менее построили для кобыл конюшню, Янычара отдали в Пялозеро леснику Назарову, он на нем сено возил. Вскоре у мерина от работы случился сердечный приступ, и он помер.

– Смирная кобыла, которую звали Манькой, оказалась неработающей, – продолжил свою историю Сухов, – а вторая кобыла вообще в лес убежала. Несколько раз пытались ее поймать. Установим точное местонахождение и устроим загон, только она каждый раз от облав уходила. Лето на воле прожила, истоптала половину заповедника. Пришла зима, лошадь перебралась к Викшице, поближе к совхозным стогам, мы решили ее прикормить. Стали в бесхозной сараюхе сено подкладывать, она привыкла к халыве и на этом попалась. А что делать дальше? Она же совсем одичала, не подпускает к себе никого. Тогда решили: «Конюх у нас есть? Есть. Вот пусть он и кормит эту лошадь». Каждое утро конюх запрягал на центральной усадьбе Маньку и отправлялся за пять километров к дикарке. Он даже воду ей отсюда возил. Кончилась эта история весьма обыкновенно – лошадей продали Нижне-Свирскому заповеднику. И сейчас в Киваче крупного скота нет – ни рогатого, ни безрогатого. Только несколько собак имеется, всех держат на привязи – все-таки заповедный режим, – да еще коты и кошки – эти гуляют где хотят.

Тут за разговором и баня у нас протопилась. Славно мы в тот вечер попарились.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В дореволюционных изданиях, посвященных Олонецкому краю, нередко можно встретить следующую легенду, напрямую связанную с Кивачом. Пе-

редам ее в редакции неутомимого краеведа А.И.Иванова, опубликовавшего эту историю на страницах «Олонецких губернских ведомостей».

«В XVIII столетии глухая Олонецкая сторона была убежищем дезертиров и разбойников, которые бродили целыми шайками. Однажды несколько человек, промышлявших грабежом, встретив дорогой крестьянина, заставили его перевезти их на другую сторону реки Суны, выше Кивача. Быстротою реки плот отнесло довольно близко к водопаду, и, лишь только причалили к берегу, ловкий перевозчик выскочил с шестом в руке с плота, который с силой оттолкнул от берега в быстрину. Разбойники с неистовыми криками и угрозами были унесены в бездну и погибли бесследно».

Тот же А.И. Иванов сообщал:

«Около 1832 года во время гонки лесов крестьянин упал в реку и был увлечен потоком к самому падению, но успел вскарабкаться на одну из «сопок» или скал на вершине Кивача, в значительном расстоянии от берега. Здесь просидел он в холодный осенний день несколько часов, ежеминутно ожидая погибели в клочущей перед ним пропасти, пока не спасли его товарищи, пустив с берега запань, которую загораживалась река при спуске бревен, проходивших по деревянному руслу.

Однажды лодка с двумя крестьянами была увлечена в самый падун; но каким-то чудом люди спаслись, отделавшись небольшими ушибами о скалы, и были выброшены на берег внизу под водопадом».

А в книге Н.С. Шайжина, составителя первой антологии о сунских водопадах, со ссылкой на автора, скрывшегося за инициалами «И.И.К.», приводится еще более невероятная бывальщина.

«Подобный же случай повторился не более пятнадцати лет тому назад. Для расчистки образовавшегося на Киваче залома устроили люльку и прикрепили ее к канату, натянутому над самой бездной водопада. В люльку послали двух рабочих, исключительных смельчаков, получающих, кстати сказать, за риск жизнью 1 руб. 30 коп. в день, харчи и хозяйскую водку – «для храбрости». От напряженной работы баграми люлька как-то перевернулась, и люди полетели вниз, туда, откуда нет спасения. Видевшие это остальные рабочие только крестились и шептали побелевшими губами молитвы... Но несчастье это случилось в большую весеннюю воду, когда утесы водопада покрываются громадной массой несущегося вниз потока. И, к изумлению гонщиков, бездна возвратила жертвы хозяйской алчности, выкинув их тела ниже, у моста. Один люлечник был мертв, но не искалечен; другого откачали, так как он только захлебнулся в водопаде, но не был даже ушиблен о подводные утесы. Можно себе предста-

вить, что пережил этот откатанный счастливцев в течение той бесконечной для него секунды, когда он летел с люльки в пучину водопада!

Но такое чудо спасения если и повторится еще когда-нибудь, то разве только для исключительного счастливца и только в весеннюю высокую воду, нивелирующую подводные утесы водопада. Летом же скалы водопада неминуемо разобьют даже самого лучшего пловца в бесформенную массу искалеченного трупа. Опыты с деревянными куклами в рост человека в результате давали только щепки! Сведения эти сообщают для тех пловцов-спортсменов, из которых, может быть, кому-либо придет в голову безумная мысль проплыть водопад вдоль его стремнины».

Однако самую фантастичную историю довелось прочесть не в старом, а в современном издании.

В 1979 году в Петербурге (тогда еще Ленинграде) вышла в свет книга В. Дерпгольца «Мир воды».

В ней утверждалось, что до перекрытия Суны Кивач низвергался с широкого карниза и поэтому имела возможность пройти по узенькой тропочке «между стеной пород, слагающих дно реки, и стеной воды». Это удивительное путешествие с одного берега до другого под воспетым поэтами водопадом запомнилось автору «на всю жизнь».

Полагаю, что В. Дерпголец перепутал наш Кивач с каким-то другим, более значительным водопадом, например, с Ниагарским. Сравнение, конечно, лестное, но, к сожалению, не соответствующее действительности.

Вот еще несколько историй, связанных с водопа-

дом и его окрестностями. В отличие от предыдущей, они абсолютно правдивые.

Современные туристы, которые приезжают ознакомиться с карельскими достопримечательностями, кроме Кивача непременно бывают в Марциальных Водах. Многие из них даже не подозревают, что на территории заповедника тоже имеются минеральные источники, например, по дороге на Чечкин-ручей. Вода в этом лесном ключе всегда холодная, на вкус железистая, как и знаменитая марциальная, но точный химический анализ ее специалистами пока не проводился.

Туристы, выходящие к началу Кивача, его первому порогу, видят в скале отверстия. Одни из них овальные, другие круглые. Встречаются же они как поодиночке, так и по два-три расположенных рядом. Это не шурфы для закладки взрывчатки, как думают многие, а так называемые стаканы.

В крепчайшей диоритовой скале отверстия труднолюбиво высверлила река. Инструментом ей служили влекомые течением камни, и продолжалась эта работа не годы, а века. Обычно такие цилиндры имеют диаметр 10-15 и глубину 20-25 сантиметров.

Орнитологи рассказывали, что в начале лета, когда у пернатых появ-

ляются выводки, в эти природные ловушки нередко попадают утята. Поскольку летать они еще не умеют, то и сидят в стаканах, пока люди не освободят.

Уже не раз писалось о людях, которые в местах массового паломничества малюют свои имена на камнях или вырезают их на всем, что только поддается ножу.

В девятнадцатом веке перила Царского дворца были усеяны инициалами, а на одном из утесов прямо над бездной водопада бросалась в глаза ар-

*Водопад Кивач.
Мост в советское время.*

шинная надпись «Elise». Тайну ее появления раскрыл Николай Березин.

В своем путевом очерке он пишет:

«Некоторые пошляки любят прибегать к надписям на самой картине, уродуя ее и отравляя этим производимое впечатление. Фараоны, воздвигшие пирамиды, не посадили на них свои имена саженными буквами... На Синае нет автографа Моисея... Но зачем разные Борисы и Теодоры мажут свои неведомые миру имена и вензеля на великолепных утесах Кивача, этого совершенно нельзя понять.

Надпись «Elise» красуется на главном утесе среди ревущей пены Кивача. Я не мог понять, каким образом пробрался туда маляр, пока сторож не разъяснил, что эту надпись (естественно, за деньги) сделал он несколько лет тому назад в сухой год, когда воды в Киваче было меньше, так что над пеной выступали камни, скрытые теперь под водой».

Эту надпись стерло само время. Но присмотритесь к одному из валунов при входе на смотровую площадку и увидите выбитую на камне польскую фамилию. Под ней дата: «1881». Автограф оставил кто-то из тех, кто отбывал в Олоонецком краю ссылку после польского восстания середины XIX века. Часть тех ссыльных позже вернулась на родину, а часть осталась здесь, люди эти прижились на Севере, полюбили его, исправно служили царю и отечеству и даже имели в Петрозаводске свой костел.

ДОРОГА НА КИВАЧ

В начале прошлого века полюбоваться на знаменитый водопад в основном ехали туристы из Санкт-Петербурга. В то время из столицы империи в Петрозаводск ходили пароходы трех компаний: Волжского пароходства, СПб – Петрозаводского и Онежского. Суда первых двух отчаливали по вторникам, четвергам и субботам и швартовались к общественной пристани Петрозаводска через двое

суток, обычно в 8-9 часов утра. Онежское пароходство, имевшее пароходы «Св. Петр» и «Св. Павел», отправляло их из Питера по понедельникам и пятницам в четыре часа пополудни. В Петрозаводск они приходили, соответственно, в четверг и понедельник в 6 часов вечера.

Билет первого класса приобретался за 9 руб., второго, самого демократичного, – за 6 руб., а третьего, который можно приравнять к общему вагону, – за трешку. За один пуд багажа следовало заплатить 30 коп.

Прямого железнодорожного сообщения между Петербургом и Петрозаводском в то время не существовало, и поэтому путешественники, выбравшие именно этот вид транспорта, добирались следующим образом: от Санкт-Петербурга по Вологодско-Вятской железной дороге до станции Званка. Оттуда на перекладных до Новой Ладogi (23 версты), из Новой Ладogi судами Шлиссельбургской компании до Лодейного Поля, а далее обычными пароходами – в Петрозаводск. Путь был утомительный и никакого выигрыша в деньгах не давал, рассказываю о нем просто для полноты картины.

Еще можно было ехать круглым путем: от Санкт-Петербурга по Финляндской железной дороге через Выборг до Сердоболя, а оттуда грунтовой – на Петрозаводск, летом эта

дорога была в 349 верст, зимой, когда водоемы и болота сковывало льдом и открывались зимники, – на 35 верст короче.

Обычно туристы, конечно же, приезжали летом. Из Петрозаводска они могли пароходом отправиться в Кондопогу. Проезд в первом классе стоил 2 руб., во втором – 1 руб. 50 коп., в третьем – рубль. Из Кондопоги ехали 10 верст по лесной дороге, а затем на лодках поднимались по Суне до водопада.

Но лучше всего, конечно же, было нанять в Петрозаводске конный экипаж. В начале минувшего века путешественников частенько возили Тимофей Ильин, семейство Сарафановых и некоторые

Дорога на Кивач

другие известные в городе ямщики. Цены на тройки колебались от 18 до 20 руб., за пару брали от 12 до 16 руб., за одну лошадь от 6 до 8 руб.

Расстояние от Петрозаводска до Кивача посуху исчислялось в 65 верст, большак проходил через Шую, Косалму, Кончезеро, миновав которое, нужно было свернуть на дорогу, ведущую в сторону Викшицы. Достигнув этой деревни, экипажи опять поворачивали, но на этот раз направо, и в тихую погоду – верст за пять! – путешественники уже могли услышать шум водопада.

Сегодня из Петрозаводска в город бумажников Кондопогу пассажирские суда не ходят, и путешественники, которые хотят осмотреть Кивач, едут обычно на автомашинах.

Путь к водопаду прост и понятен.

Из столицы Карелии отправляемся на север. Вначале нам встретится старинное село Шуя, раскинувшееся по обоим берегам одноименной реки. Почти сразу же за Шуйей расположена станция Шуйская. В центре ее развилка. Шоссе, отворачивающееся налево, ведет в Косалму, Кончезеро, Марциальные Воды... Нам – направо. В селе Янишполе пересечем реку Суну, но через полсотни верст кружным путем снова к ней вернемся.

Вот и Кондопога. О том, что вы до нее добрались, свидетельствует название города, составленное из бетонных букв в человеческий рост. Неподалеку от этой диковинки снова развилка. Если повернуть направо, то вскоре окажешься в Кондопоге. Нам налево, на окружную дорогу, которая выведет к перекрестку.

По дороге, которая поворачивает налево, можно попасть в поселки Березовка, Вороново, а затем Кончезеро. Дорога направо приведет в Кондопогу.

Нам – прямо. Неподалеку от перекрестка стоит на пьедестале дорожный каток. Ведя отсчет от этого

памятного знака, через четырнадцать километров, немного не доезжая до деревни Сопоха – она уже будет видна, нужно повернуть налево. Там имеется указатель с коротким словом «Кивач». До знаменитого водопада остается проехать немногим более шести километров. Всего же от Петрозаводска до него девяносто шесть километров, и, если не гнать машину, зажмурив глаза от немыслимой скорости, а двигаться со значением и смыслом, как и положено истинным землепроходцам, то вся дорога займет примерно полтора часа.

Державин же, выбравший водный путь, увидел знаменитый падун лишь на третьи сутки пути: вот такая получается история с географией.

Путешественники, которым больше по сердцу старый ямщицкий путь, то есть через Косалму и Кончезеро, или попадающие к водопаду со стороны Марциальных Вод, должны знать, что, миновав Вороново и Березовку, они окажутся на той же развилке у дорожного катка на пьедестале. Дорога через Викшицу для туристов закрыта, а нарушение заповедного режима сулит утомительные административные разбирательства и немалый штраф. К тому же мост через Суну, который делал эту грунтовку проезжей, давным-давно разобран, настолько давно, что между колеями дороги выросли деревья выше человеческого роста.

От Марциальных Вод можно ехать на Кивач и кружным путем через Спасскую Губу, Юркостров, Гирвас, тогда путешественники к Сопохе подъезжают с севера и, миновав этот населенный пункт, оканчиваются у поворота, ведущего к водопаду.

Но с какой бы стороны вы ни приехали на Кивач, он всегда встретит ровным, успокаивающим душу рокотом, и на память невольно придут державинские строки: «Алмазна сыплется гора с высот четыремя скалами...»

□

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

*Окончил историко-филологический факультет
Петрозаводского государственного университета.*

*Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,
«Петрозаводск», «Карелия», «Город».*

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

